

К 115-летию со дня рождения С.С. Прокофьева

Александра АХОНЕН

Сергей Прокофьев в Петербургской консерватории (новые документы)

В стремительном беге истории события быстро становятся прошлым. Удивительно, что уже около ста лет отделяют нас от времени обучения в Петербургской консерватории Сергея Сергеевича Прокофьева — одного из крупнейших композиторов XX века, — которого иные из ныне живущих музыкантов называют своим старшим современником.

Чтобы остановить интереснейшие мгновения истории, сделать настоящим частичку прошлого, мы можем обратиться к тем уликам, которые оно нам оставило.

В Отделе рукописей Научной музыкальной библиотеки Санкт-Петербургской консерватории (ОР СПбГК) хранится ряд документов, связанных с личностью Прокофьева — выпускника нашего вуза. Их количество не очень велико, но они очень разнообразны и раскрывают перед нами самые различные моменты жизни композитора. Большая часть этих документов не привлекала внимания исследователей и в настоящей статье впервые вводится в научный оборот.

Из 13 прокофьевских документов, хранящихся в ОР СПбГК, четыре являются нотными автографами композитора. Это ученические работы, три из которых были выполнены для экзаменов по полифонии.

Сергей Прокофьев в Автобиографии упоминает два экзамена по полифонии: весной 1907 года — переход с контрапункта на фугу и весной 1908 года — экзамен по фуге (для преуспевших это был переход с фуги в класс свободного сочинения). О первом из них мы читаем: «Самый экзамен длился

три дня: в первый день писался пятиголосный цветистый контрапункт на кантус фирмус; во второй день — трехголосная имитация в строгом стиле, нечто вроде упрощенной фугетты; третий день назывался устным экзаменом и заключался в чтении с листа в ключах, то есть по нескольким строкам, каждая в разных ключах. Первую задачу я написал не блестяще, но сносно; вторую — слабовато. За обе письменные работы мне поставили 3+, но в ключах я читал прилично, получив за чтение 4+. Таким образом мне вывели средний балл 4, который оказался переходным»¹. С этого экзамена сохранились чистовые рукописи обоих письменных заданий. Пятиголосный контрапункт заполнил полторы страницы двойного нотного листа². Каждый голос зафиксирован карандашом, аккуратным почерком на отдельной строчке. Все задание занимает три системы нотных станов по пять строчек в каждой, и записано в четырех разных ключах (сопрановый, альтовый, теноровый, басовый). Почерк Прокофьева в этой рукописи аккуратный, без стираний и зачеркиваний. Пометки сделаны только экзаменатором, синим карандашом: в заключительных тактах он обвел синим карандашом два фрагмента голосов и поставил отметку на первой странице — «4». В верхнем левом углу рукой автора указано его имя: «С. Прокофьев», но вместо даты мы имеем лишь время сдачи работы, указанное (вероятно, рукой инспектора, принявшего работу) в верхнем правом углу беглым карандашным росчерком: «Въ 4 часа».

Второе задание этого экзамена, трехголосная имитация³, занимает почти три страницы двойного нотного листа таким же аккуратным, мелким, но не тесным почерком. Сходны и другие детали оформления работы: имя в левом углу (автограф), время сдачи — в правом (надпись «Подано въ 4 часа»). Есть еще отметки на первых страницах, значение которых пока неясно: это цифры, написанные красным карандашом наверху страницы — «24» и «25». В тексте фуги имеются пометки синим карандашом: обведен фрагмент голоса, выставлен бекар, отмечена крестом длинная нота. На полях стоит оценка экзаменатора — «3».

Следующий экзамен по полифонии состоялся в середине мая 1908 года. Это был очень ответственный экзамен, так как после него учащиеся переходили с фуги на изучение формы. Они должны были написать фугу на заданную тему, о чем Прокофьев пишет в автобиографии: «Последний экзамен был по фуге. На улице сиял уже теплый май, а нас заперли в отдельные классы и, дав тему Генделя из “Мессии”, предложили написать на нее каждому по четырехголосной фуге». Дальнейшая история этого экзамена не лишена драматизма. На следующий день после экзамена Сергей Прокофьев с матерью и тетей должны были отъезжать на Кавказ, тогда как результат экзамена обещали объявить только через два дня. Об этом Прокофьев вспоминает в «Автобиографии»:

«Дежурный помощник принял рукопись и сказал:

— Денька через два приходите за результатом.

¹ Прокофьев С.С. Автобиография. Изд. 2-е. — М., 1982. — С. 303.

² ОР СПбГК. № 5785.

³ ОР СПбГК. № 5784.

Я ахнул:

Как же вы хотите, чтобы я уехал, не зная, перешел ли я или нет?»⁴

Благодаря своей настойчивости Сергей Прокофьев узнал свою отметку раньше всех, его работу досрочно просмотрел директор Консерватории А.К. Глазунов и оценил на 4 1/2. Об этом Прокофьев сообщает своему другу Николаю Мясковскому в письме из Сухума от 31 мая 1908 года: «Много-обожаемый Николай Яковлевич. По скудным сведениям, кои я имею из Петербурга, могу сообщить Вам, что Вы получили 5, а я 4 1/2». В Отделе Рукописей сохранился тот самый чистовой вариант фуги⁵, который был сдан Прокофьевым экзаменационной комиссии (черновик фуги тоже сохранился и находится в Москве в РГАЛИ⁶), здесь же хранятся фуги его соучеников: Н.Я. Мясковского и Н.А. Малько. В рукописи фуги Прокофьева имеется исправление оценки на отличную. Однако Сергей Прокофьев, который так трепетно относился к оценкам, ни разу не упоминает об этом изменении ни в автобиографии, ни в переписке с Мясковским, ни в дневниках. Более того, во всей обнаруженной учебной документации также значится оценка 4 1/2. Так, в свидетельстве об окончании Консерватории⁷ и в дипломе⁸ указаны успехи «по классу фуги очень хорошие», а в книге выпускников напротив графы «фуга» стоит 4 1/2. Скорее всего, он так и не узнал о том, что за последний экзамен по полифонии получил «отлично». Двойная фуга с отдельной экспозицией Прокофьева занимает две с половиной страницы (лл. 1, 1 об, 2). Нотный текст записан тонким простым карандашом очень аккуратно, мелко, тесно. В некоторых местах видны стертые и переписанные фрагменты. Вторая часть фуги обозначена римской цифрой II. В нижней половине второго листа стоят оценки: зачеркнутая «4 1/2» с подписью Глазунова (синим карандашом), и левее — отметка «5» и три подписи экзаменаторов красным карандашом: А.К. Глазунова, Н.А. Соколова и В.П. Калафати. На рукописи рукой Прокофьева выставлены две даты: в верхнем углу первого листа «11 мая 1908 года» и в конце фуги «14 мая 08». На первой странице эти даты дублируются красными чернилами «11 мая» и черными чернилами «14 мая 5 1/2 ч». На черновике РГАЛИ стоят следующие даты: «11 мая, 08/10 1/2 ч. 3» — на первом листе, и «14 мая 08/3 ч. д.» — в конце⁹. На первом листе обозначен темп *Moderato*, а наверху листа красным карандашом написана цифра «26» (на предыдущих письменных работах стояли цифры «24» и «25»). Последняя страница рукописи (л. 2 об.) заполнена упражнениями в двойном и тройном контрапункте, которые не были использованы в фуге, но и не были упомянуты в автобиографии как отдельное задание.

⁴ Прокофьев С.С. Автобиография. С. 383 — 384.

⁵ ОР СПбГК. № 5784. Впервые и более подробно об истории этой рукописи рассказывалось в докладе Кузнецовой О.В. «С.С. Прокофьев и Консерватория: неизвестные страницы (к истории одного экзамена)» на конференции по случаю 50-летия со дня смерти Прокофьева (СПбГК, 2003). Благодарим О.В. Кузнецову за предоставленную возможность ознакомиться с текстом доклада.

⁶ Это указано в комментариях к изданию: Прокофьев С.С. Автобиография. С. 562.

⁷ ЦГИА. Ф. 361, оп. 1, № 3272, лл. 6, 6 об.

⁸ ЦГИА. Ф. 361, оп. 1, № 3272, л. 7.

⁹ Это указано в комментариях к изданию: Прокофьев С.С. Автобиография. С. 562.

Четвертый нотный автограф написан рукой автора: «Польский из оп. «Евгений Онегин» муз. Чайковского», «Работы уч-ка военной инструментовки по классу проф. Петрова, Прокофьева»¹⁰. Рукопись сохранилась не полностью. Мы имеем лишь один (одинарный) партитурный лист, оторванный от двойного. Двадцать пять пронумерованных нотных станов полностью заняты под большой состав военного духового оркестра. Первая сторона листа использована полностью, оборот листа разлинован на семь тактов, но записаны только два, а остальные пронумерованы. Возможно, инструментовка не была завершена, но она была просмотрена педагогом. Об этом свидетельствуют небольшие пометки и исправления синим карандашом: указание динамики, мелкие лиги, зачеркивания, один фрагмент обведен синим квадратом.

В ОР СПбГК находятся также три издания произведений Прокофьева с дарственными надписями. Это издание Второй сонаты¹¹, подписанное в правом верхнем углу титульного листа: «Дорогому Альфреду П<...>чу от автора в знак искренней преданности [В первый раз сона<та> была сыграна Альфреду П<...>вичу 11 января 1914 года. <Первая> рота, 4.] СПркфв». К сожалению, часть надписи Прокофьева была срезана при переплете, поэтому отчество адресата не читается полностью. Однако можно предположить, что ноты были подарены одному из основателей «Вечеров современной музыки», Альфреду Павловичу Нуроку, с которым Прокофьев познакомился в 1908 году.

Следующее издание — переложение Первого Концерта для фортепиано с оркестром — было подарено перед окончанием Консерватории первому консерваторскому учителю Прокофьева по фортепиано А.А. Винклеру: «Глубоко чтимому Александру Адольфовичу от искренне его уважающего ученика Прокофьева СПб. 11 Апреля 1914». 11 апреля 1914 года Сергей Прокофьев уже не был учеником Винклера. Еще в 1909 году он перешел в класс А.Н. Есиповой, но испытывал по этому поводу чувство неловкости вместе с благодарностью к своему «не талантливому, но добросовестному и благожелательному»¹² учителю, который всегда очень внимательно относился к своему любимому воспитаннику. Издание Концерта было не первым подношением Прокофьева своему учителю. Известно, что после перевода к Есиповой, в начале следующего 1909/10 учебного года, Сергей Прокофьев подарил ему тетрадь этюдов ор. 2, которые сочинил минувшим летом специально для Винклера¹³.

Следующий автограф относится к более позднему времени (1924 год, Прокофьев в Париже). Это издание Органной прелюдии и фуги d-moll Д. Букстехуде в переложении для фортепиано С. Прокофьева¹⁴. Издание было подарено с надписью: «Наталье Алексеевне Позняковской от автора. 1924». Очевидно, Прокофьев перепутал отчество адресата. Наталья Николаевна Позняковская — пианистка, выпускница 1913 года класса А.Н. Есиповой, в будущем — профессор Петербургской консерватории по классу

¹⁰ ОР СПбГК. № 7467.

¹¹ ОР СПбГК. № 7379.

¹² Прокофьев С.С. Автобиография. С. 238.

¹³ См.: Прокофьев С.С. Автобиография. С. 515, 516.

¹⁴ ОР СПбГК. № 7378. Издано: «Гутхейль», 1923.

рояля. Двух музыкантов объединяло творческое сотрудничество. По воспоминаниям пианистки¹⁵, Сергей Сергеевич Прокофьев, будучи еще студентом консерватории, дирижировал на ее выпускном концерте в 1913 году с-moll'ным концертом Сен-Санса, а Наталья Николаевна Позняковская, в свою очередь, 12 мая 1925 года впервые представила ленинградской публике Третий фортепианный концерт Прокофьева.

Обращение Прокофьева к творчеству Букстехуде связано с именем Сергея Ивановича Танеева, которому родители показывали совсем юного сына перед поступлением в Консерваторию, и с которым Прокофьев-студент поддерживал творческий контакт, обращаясь к нему за советами. Так и в случае с Букстехуде: именно Танеев обратил внимание Прокофьева на произведения этого композитора. Это произошло в 1910 году и известно нам по «Автобиографии»: «Встретив приехавшего в Петербург Танеева, я доложил ему, прося совета (в выборе репертуара. — А. А.). — А знаете что, — ответил Сергей Иванович, — Баха-то всегда играют. Вы же сыграйте кого-нибудь постарше, например Букстехуде, которого Бах бегал слушать в соседний город, когда сам был юношей. Для иных эта музыка окажется новостью, даже в Петербургской консерватории»¹⁶. Именно новизной старинного произведения Танеев убедил юного Прокофьева, который всегда стремился к оригинальности. И хотя органная прелюдия была переложена не для ученического экзамена, а для зарубежных гастролей, в этой работе автор преследовал сходную цель и имел того же вдохновителя — Сергея Ивановича Танеева: «... эта fuga (консерваторская. — А. А.) Букстехуде не та, которую я переложил через пятнадцать лет, играл в моих американских концертах и которая напечатана. Тогда я просто вспомнил автора, рекомендованного Танеевым и о котором у меня осталось приятное воспоминание. А так как в Америке утомлялись от программ, всецело составленных из моих сочинений, и требовали одно отделение классиков, я предпочел выбирать классиков, которые являются одновременно и новинками — хотя бы по причине своей ветхости»¹⁷.

Один документ из фондов ОР СПбГК иллюстрирует интерес современников Прокофьева к его творчеству: это рукописная копия «Сарказмов» ор. 17¹⁸, переписанная Романом Ильичом Грубером, который впоследствии стал известным музыковедом. Р.И. Грубер мог познакомиться с Прокофьевым на Вечерах современной музыки, через В.Г. Каратыгина, у которого с 1912 по 1916 год он занимался по теории и истории музыки. На первом листе рукописи стоят пометки: «Списано: май 1915 г», «Собственность Р.И. Грубера!!! [Обложка по рисунку собственника]». Скорее всего, Р. Грубер услышал «Сарказмы» весной 1915 года на музыкальном вечере в доме богатого мецената, о которой вспоминает Г.Г. Нейгауз, тоже присутствовавший там: «Было много гостей, между ними Александр Зилоти, Ф.М. Blumenfeld и

¹⁵ Позняковская Н.Н. Рассказ Н.Н. Позняковской о классе им. А.Н. Есиповой (записал С. Сигитов) // Музыкальные кадры. 1966. № 5. С. 3.

¹⁶ Прокофьев С.С. Автобиография. С. 381.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ОР СПбГК. № 7464.

другие музыкальные нотабли. ... Затем мы все вместе попросили играть Прокофьева. Он охотно подошел к роялю, поставил на пюпитр ноты — это были только что написанные “Сарказмы” в рукописи. ... Сергей Сергеевич сыграл все “Сарказмы”. Впечатление было необычайное. Среди слушателей, а между ними было немало просто светских людей, были восхищенные и были возмущенные»¹⁹. Р. Грубер явно относился к восхищенным слушателям. Рукописная копия Грубера интересна наличием раннего слоя текста, поверх которого сделаны исправления, в том числе исправления размера и нот. Это может свидетельствовать о наличии более ранней авторской редакции (здесь стоит отметить, что копия была сделана до издания пьес, осуществленного в 1916 году и до публичной премьеры, которая состоялась в Малом зале Петроградской консерватории 27 ноября / 10 декабря 1916 года).

Нотные материалы Прокофьева, хранящиеся в ОР СПбГК, имеют большое значение для изучения творческого пути гениального композитора. Нотные ученические рукописи не только фиксируют определенный этап освоения композиторского мастерства, связанного с петербургской композиторской школой, но и имеют самостоятельное художественное значение. Прижизненные издания прокофьевских произведений с автографами автора демонстрируют нам его успехи (ведь далеко не каждый молодой композитор мог добиться публикации своего произведения) и признательность к лицам, которые этим успехам способствовали. Благодаря дарственным надписям мы узнаем о новых фактах биографии Прокофьева, о круге его творческих контактов.

В ОР СПбГК находятся также и другие документы, которые связаны с творчеством Прокофьева — композитора и Прокофьева — исполнителя. Среди них — письмо (автограф) без даты к Попечительному Совету для поощрения русских композиторов и музыкантов²⁰ следующего содержания:

[23 сентября 1913 г.]²¹

В Попечительный Совет

для поощрения русских композиторов и музыкантов

Предоставляя на суд совета два моих фортепианных концерта, покорнейше прошу сделать им оценку и, в случае если она окажется благоприятной, исполнить их в симфоническом концерте. При неблагоприятной оценке покорнейше прошу не отказать известить меня о причинах таковой.

С глубочайшим почтением

Сергей Прокофьев

Первая рота. 4. Тел. 418-98.

Можно только удивляться прокофьевской предприимчивости и решительности. В дневнике Прокофьева только 22 сентября он пишет об

¹⁹ Нейгауз Г. Композитор-исполнитель (из впечатлений о творчестве и пианизме Сергея Прокофьева) // С.С. Прокофьев: Материалы. Документы. Воспоминания. — М., 1961. — С. 445 — 446.

²⁰ ОР СПбГК. № 4345 «Беляевский архив». Папка 25, л. 45.

²¹ Публикуется впервые. Датировано нами по дневнику Прокофьева (см. ниже).

окончании Второго Концерта: «Кончил Andante. Оба концерта готовы. С удовольствием гляжу на них, какие они славные и толстенные»²². На следующий день, 23 сентября, он легкой рукой уже несет их на суд, заранее прося дать основание еще не вынесенному приговору! В Дневнике упоминается приведенное письмо:

23 сентября

Поиграл Есиповне, написал сопроводительное письмо к Концертам, уложил их в папку и собственноручно понес в «попечительный совет». Дама, живущая в квартире, на двери которой красуется плакат «Попечительный совет для поощрения...» и прочее и прочее, сказала, что первое заседание не сегодня, а через неделю. Я все равно решил оставить Концерты и, вручив их вместе с сопроводительным письмом даме, пошел в Консерваторию²³.

Сергей Прокофьев должен был бороться за исполнение своих концертов не только с Попечительным советом. В это же время он отстаивал право исполнять свой Первый концерт в Консерватории в качестве учебного произведения. В случае с Попечительным советом ему не повезло ни с исполнением, ни даже с критикой. 4 октября 1913 года Прокофьеву был послан ответ, сохранившийся в Отделе Рукописей в виде отпуска — машинописной копии²⁴:

4-го октября 1913 года

Милостивый Государь.

Возвращая при сем рукописи, присланные Вами двух фортепианных концертов, Совет сообщает Вам, что он лишен возможности поставить их на программу Русских Симфонических Концертов, т. к. в предполагаемых программах уже намечен к исполнению новый фортепианный концерт.

Что же касается Вашего пожелания получить отзыв о Ваших произведениях, то по Уставу своему Совет на выдачу таких отзывов не уполномочен.

Примите уверение в совершенном почтении.

Восхищает реакция Прокофьева на столь категоричный отказ. Записи дневника от 5 октября начинаются изложением вроде бы неприметного факта: «Утром направился на почту, получил письмо, которое мне было нужно, и остался им более или менее доволен»²⁵. «Более или менее доволен» и больше — ни слова, как будто о такой мелочи и говорить не стоит. Он сделал попытку, попытка эта не удалась, но и не повредила. Концерт не был исполнен в Русских Симфонических Концертах этого сезона, но он был опубликован и исполнен автором в Малом зале Петербургской консерватории на выпускном экзамене 11(24) мая 1914 года перед слушателями и двадцатью членами экзаменационной комиссии, которые, с благожелательным или неблагожелательным, но все же пристальным вниманием, слушали

²² Прокофьев С.С. Дневник. 1907 – 1918. – Париж, 2002. – С. 355.

²³ Там же.

²⁴ ОР СПбГК. № 4345 «Беляевский архив». Папка 25, л. 50.

²⁵ Прокофьев С.С. Дневник. 1907 – 1918. С. 362.

игру дерзкого пианиста-композитора, следя за музыкой по недавно отпечатанным нотам. Возможно, что А.А. Винклер тоже присутствовал при этом событии и держал на коленях тот самый экземпляр с дарственной надписью, который мы можем видеть в Отделе Рукописей.

К послеконсерваторскому периоду относятся две расписки о получении денежного вознаграждения за участие в симфонических собраниях Петроградского отделения РМО. 24 января 1915 года он играл свой Второй Концерт, через два года, 14 января 1917 года он исполнил Первый Концерт. Оба раза дирижировал Николай Малько. Гонорар за выступления рос вместе со славой артиста. За концерт 1915 года он составил 100 рублей, а через два года вырос на 200 рублей и составил 300 рублей.

Самым поздним документом является машинописный текст прокофьевского обращения к детям с исправлениями и подписью автора²⁶. Текст предназначался для детской передачи на ленинградском радио, которую, в 1951 году, в честь 60-летия композитора, организовала Екатерина Александровна Ручьевская. Она просила Прокофьева выступить в эфире, но он был болен и не мог приехать. Однако Прокофьев прислал текст своего обращения, который и вышел в эфир. В 1991 году Екатерина Александровна передала документ в Отдел Рукописей Консерватории и написала заметку в журнал «Советская музыка»²⁷, поясняющую историю написания этого текста. Ниже приводим полный текст прокофьевского обращения к детям:

Дорогие ребята,

Мне хочется от души приветствовать вас, школьников Ленинграда, и пожелать вам успехов в учебе.

Я люблю писать музыку для вас. Мною написаны для ребят сюита «Летний день», ряд легких пьес для фортепиано и песенок на слова поэтов Барто и Михалкова, сказка «Петя и волк», в которой я стремился познакомить ребят с основными инструментами симфонического оркестра.

Недавно я в содружестве с поэтом Самуилом Яковлевичем Маршаком написал сюиту «Зимний костер», о том как поехали московские пионеры в гости в пригородный колхоз, и ораторию «На страже мира».

За мир бороться все должны,
Долой зачинщиков войны! —

Такова основная тема оратории, посвященной борьбе за мир, мирному созидательному труду в нашей стране, счастливому детству наших ребят.

Дети — будущее человечества — занимают в оратории большое место. Вот идут они, дети дружной семьи народов Советского Союза на мирном торжестве в Москве, бросая высоко в небо белого голубя, голубя мира.

Ребятам всей земли — салют!
Пусть будет мир на свете.

²⁶ ОР СПбГК. № 6950.

²⁷ Ручьевская Е.А. Несколько уточнений к одной публикации // Советская музыка. 1991. №11. С. 88–89.

Пускай счастливыми растут
Отцам на смену дети.

Вот они, наши советские школьники, дружно выводят в тетрадах четкие буквы — «Нам не нужна война». К ним присоединяют голоса дети в странах народной демократии, дети во всем мире. Народам мира не нужна война. С каждым днем растут и крепнут ряды борцов за мир.

Они дорогу преградят
Войне на всей земле.
Ведет их лучший друг ребят,
А он живет в Кремле.

С. Прокофьев.
22. III. 1951.

Большая часть перечисленных материалов до сих пор не привлекала внимания исследователей. Все эти документы имеют значительную ценность, потому что они напрямую касаются жизни и творчества крупнейшего русского композитора XX века. Они открывают новые факты его биографии, говорят о круге его общения. Несомненно, прокофьевские материалы, хранящиеся в Отделе Рукописей библиотеки СПбГК, заслуживают глубокого изучения и дальнейшей публикации.

М.П. МИЩЕНКО

От формы — к музыкальной форме* *(о методе истории)*

После Гёте

Итальянское путешествие Гёте вполне обнаруживает свой масштаб и значение в сравнении с более привычными для XVIII века путешествиями в Италию. Герман Аберт обратил внимание в этой связи на характер путешествия отца и сына Моцартов. Во всем полная противоположность Гёте. «Конечно, пребывание в Италии имело значение для Моцарта и как для человека. Но говоря так, не нужно ... вызывать тень Гёте. Гёте приехал в Италию не только на шестнадцать лет позднее, не только зрелым человеком и с совершенно другими духовными целями, — вся его манера изучать людей и рассматривать явления действительности даже в его время представляли собой нечто исключительное». Мейнеке приводил пример Э. Гиббона, который «двумя десятилетиями раньше (в 1764 г.) смотрел на руины Рима» в качестве сентиментального человека или, как просветитель, слушал пение

* Фрагмент книги «Северные этюды. Из истории музыкальных ландшафтов Севера» (рукопись).